

Замѣтки по древне-славянскому переводу Св. Писанія.

Ив. Евсеѣва.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 21 марта 1898 г.)

I.

О греческомъ оригиналѣ первоначальнаго славянскаго перевода.

Давно уже въ славянской наукѣ сознана необходимость возстановленія въ первоначальномъ видѣ трудовъ славянскихъ первоучителей — Кирилла и Меодія. Еще Добровскій занимался вопросомъ объ измѣненіяхъ, которымъ подвергался первоначальный переводъ Св. Писанія и другихъ церковныхъ книгъ и высказывалъ желаніе видѣть возстановленными по крайней мѣрѣ на первый разъ евангеліе и псалтирь. Къ настоящему времени сдѣлано не мало подготовительныхъ работъ по переводу Св. Писанія ветхаго и новаго завѣта. Такъ для Евангелія и Апостола извѣстны изслѣдованія и изданія Г. А. Воскресенскаго, работы покойнаго преосвященнаго Амфилохія, въ отдѣльности для текста Евангелія — И. В. Ягича, Калужняцкаго, Невоструева, Шафарика, Срезневскаго; для Псалтири И. И. Срезневскаго, В. И. Срезневскаго, И. В. Ягича, Амфилохія, М. Valja-ves'a, Geitler'a; для кн. Иисуса Навина — изслѣдованіе Лебедева, для Апокалипсиса — Облака (Archiv f. sl. phil. 1890 XIII) и для книги пророка Исаиіи недавнее наше. Между тѣмъ вопросъ о точномъ возстановленіи первоначальнаго славянскаго перевода еще стоитъ не разрѣшеннымъ: ни одно изданіе какой либо части древне-славянскаго перевода Св. Писанія не беретъ на себя смѣлости поставить на своемъ титулѣ имя славянскихъ первоучителей. И это не только по трудности для науки ручаться за тончайшія языковыя особенности — морфологическія и звуковыя, но просто по неизвѣстности для нея общаго текстуальнаго вида работы первоучителей, въ отличіе хотя бы отъ работы ихъ продолжателей, отъ работы, напр., времени болгарскаго царя Симеона († 927).

Причина такого неуспѣха, намъ кажется, кроется въ несовершенствѣ метода, которымъ идетъ наша наука въ дѣлѣ возстановленія затерянныхъ

трудовъ первоучителей. Всѣ изслѣдованія и изданія, доселѣ сдѣланныя, имѣли главнымъ образомъ своею задачею возстановить ностоящій видъ первоначальнаго перевода чрезъ сопоставленіе между собою древнѣйшихъ славянскихъ списковъ и чрезъ исключеніе изъ нихъ того, что — по соображеніямъ и литературнымъ даннымъ — явилось въ переводѣ, какъ историческое наслоеніе. Такой путь возстановленія намъ кажется совершенно недостаточнымъ.

Вотъ какъ объясняютъ свои руководственныя начала два почтенныхъ изслѣдователя древне-славянскихъ текстовъ Св. Писанія — академикъ И. В. Ягичъ и проф. Г. А. Воскресенскій. — «Сравнительное изученіе важнѣйшихъ памятниковъ», пишетъ И. В. Ягичъ, «имѣющихъ типическое значеніе, соображенія о личности переводчиковъ и о народности окружающей ихъ среды — вотъ главныя средства, при помощи которыхъ всегда въ случаѣ разногласій можно съ полною убѣдительностію рѣшить вопросъ въ пользу того или другого чтенія, слова, оборота или грамматической формы»¹⁾. Критерій этотъ мы считаемъ неопредѣленнымъ и совершенно внѣшнимъ, не вытекающимъ съ принудительностію изъ внутренняго содержанія древне-славянскаго перевода. Возведеніе какихъ либо списковъ на степень важнѣйшихъ, типическихъ возможно только *per saltum*, такъ какъ отысканіе таковыхъ памятниковъ и составляетъ искомую величину въ дѣлѣ возстановленія труда первоучителей. Гдѣ ручательство за то, что взятые памятники дѣйствительно должны быть признаваемы важнѣйшими, типическими? Почему можно быть увѣреннымъ, что памятники эти относятся къ работѣ первоучителей, а не ближайшихъ ихъ продолжателей, хотя бы времени царя Симеона? Можно думать, что ручательствомъ за это являются здѣсь — какъ, повидимому, представляетъ дѣло И. В. Ягичъ — «соображенія о личности переводчиковъ и о народности окружающей ихъ среды». Но такія соображенія — условно и вовсе не неопровержимо — могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для опредѣленія «грамматической формы», а вовсе не текста писанія. Важнѣйшая и типическая для грамматическаго строя рукопись вовсе не въ силахъ рѣшить, читалась ли, напр., въ первоначальномъ переводѣ Еванг. Луки 12 21 прибавка — *сѣ глагола, въ зглашаше: имѣан оуши слышати да слышитъ*»²⁾. — Совершенно справедливо другой представитель подобнаго-же внѣшняго метода Г. А. Воскресенскій не ограничивается только важнѣйшими, типическими памятниками древне-славянскаго перевода, а указываетъ на необходимость привлеченія къ дѣлу возможно большаго количества списковъ.

1) Ягичъ, Маріинское Четвероевангеліе 1883. 465 стр.

2) За неизмѣніемъ подъ руками болѣе древняго списка, приводимъ чтеніе по ркп. XVI в. библи. СПб. Дух. Ак. — АШ/80.

Древній текстъ можетъ содержаться и не въ древнѣйшемъ а въ новѣйшемъ спискѣ — и кто возстановляетъ переводъ, а не древнѣйшія грамматическія формы, тотъ прежде всего долженъ спуститься съ высоты аристократическаго чиновочитанія древнѣйшихъ списковъ къ болѣе скромному демократическому опросу всѣхъ полноправныхъ свидѣтелей текста. Такъ и сдѣлалъ профессоръ московской духовной академіи. Къ сожалѣнію, пристрастіе къ чиновочитанію не осталось и ему совершенно чуждо. Подъ первымъ номеромъ его руководственныхъ правилъ мы читаемъ¹⁾: «Чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ, естественнѣе думать, древнѣе и текстъ, въ ней содержащійся, а чѣмъ она полнѣе и лучше сохранилась, тѣмъ удобнѣе можетъ быть положена въ основаніе при сравнительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ библейскаго текста». Мы считаемъ возможными такіе случаи: 1) всѣ древнѣйшія рукописи могутъ содержать *одну* изъ древнихъ редакцій, но вовсе не искомую древнѣйшую; эта искомая можетъ содержаться въ позднѣйшихъ (одномъ или нѣсколькихъ) спискахъ — копійхъ съ болѣе древняго, совершенно утраченнаго. Гдѣ гарантія въ томъ, что изслѣдователь не пропуститъ искомой редакціи и не приметъ за искомую — нѣчто другое, родственное ей по древности языка? 2) Искомая редакція древнѣйшая можетъ представлять изъ себя вовсе не полный текстъ, а отрывочный, напр., богослужебный изборъ. Вправѣ ли изслѣдователь стремиться къ отысканію во чтобы то ни стало полныхъ списковъ для такой редакціи и не подвергается ли онъ опасности пропустить настоящій древній текстъ потому, что ему угодно пренебрежительно относиться къ тексту неполному? Руководственное правило № 1 у Г. А. Воскресенскаго, намъ думается, имѣетъ нѣкоторое значеніе при чисто филологической установкѣ древняго текста, т. е. при уясненіи его съ грамматической стороны — когда искомый текстъ обозначился въ древнѣйшихъ спискахъ съ несомнѣнностью, — но безусловно не имѣетъ силы для опредѣленія священнаго текста въ его собственномъ смыслѣ. Намъ невольно припоминается здѣсь, какъ руководство такимъ правиломъ привело въ одномъ случаѣ къ курьезной ошибкѣ никого меньшаго, какъ И. И. Срезневскаго, — именно по вопросу объ оцѣнкѣ двухъ переводовъ пророческихъ текстовъ, по поводу отрывочныхъ чтеній изъ пророческихъ книгъ въ Хроникѣ Іоанна Малалы (Свѣд. и Зам. LXXXI). Почтенному ученому представились выдержки изъ паримійнаго перевода пророческихъ книгъ — перевода несомнѣнно кирилловскаго —, но ему извѣстенъ былъ обладающій несравненно болѣе крупными раритетами древности толковый переводъ пророковъ — болѣе поздняго происхожденія,

1) Г. А. Воскресенскій, Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв. М. 1896. 4—6 стр.

по нашему мнѣнію, времени болгарскаго царя Симеона —, и онъ написалъ: «выписки изъ Исаи и Іереміа, а равно и книги прор. Даніила, взяты не изъ того древняго перевода, который связанъ съ именемъ Упыря Лихого (т. е. перевода толковаго), а изъ другого древняго, но неособенно замѣчательнаго». Трудъ кирилловскій — по отсутствію кричащихъ признаковъ древности — былъ не замѣченъ и обойденъ въ пользу перевода несомнѣнно позднѣйшаго. — «Если послѣ тщательнаго сличенія списковъ окажется», — стоитъ подъ № 2 у Г. А. Воскресенскаго — что извѣстныя мѣста читаются во всѣхъ ихъ или по крайней мѣрѣ въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ совершенно одинаково, то такія мѣста съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ остаткамъ первоначальнаго перевода». Если ставить искомый текстъ подъ охрану вѣроятности, то, разумѣется, правило это можетъ имѣть нѣкоторое значеніе. Для большей же степени достовѣрности оно не даетъ ничего, потому что типъ первоначальнаго перевода однимъ сравненіемъ списковъ нисколько не уясняется: можно предположить, что переводъ первоначальный совершенно затерялся, и то, что изслѣдователь принимаетъ за трудъ первоучителей, относится къ позднѣйшей рукѣ, положимъ, ко времени царя Симеона; возможно также ничѣмъ не предусмотрѣнное предположеніе, что первоначальный типъ перевода содержится не въ наличныхъ спискахъ, а въ другихъ, намъ еще неизвѣстныхъ. — Подъ № 3 руководственныхъ правилъ Г. А. Воскресенскій предлагаетъ «обращать вниманіе на внутреннее качество» (чтеній). Къ сожалѣнію, указаній на такое внутреннее качество въ дальнѣйшемъ разъясненіи мы не находимъ. «При семъ», т. е. при разсмотрѣніи текста съ внутрѣнней стороны, говоритъ Г. А. Воскресенскій, «чтеніе мораво-паннонское и вообще югославянское, въ частности болгарское, должно быть предпочтительно русскому и сербскому». На мѣсто обѣщанныхъ внутреннихъ качествъ чтеній, мы находимъ указаніе только на внѣшнія палеографическія и грамматическія симпатіи автора, которыя могутъ быть внутренними только въ смыслѣ личныхъ воззрѣній автора, какъ «соображенія о личности переводчиковъ и о народности окружающей ихъ среды» (у И. В. Ягича). Паннонизмы языка только потому и должны считаться обязательною принадлежностью первоначальнаго перевода, что къ этому, вслѣдъ за западными изслѣдователями, склоняется личное соображеніе автора: первоначальный переводъ — величина искомая, и менѣе всего а priori могутъ оповѣщаться ея частные признаки.

Первоначальный переводъ при такихъ условіяхъ, по нашему мнѣнію, можетъ обрисовываться только въ случайныхъ, приблизительныхъ очертаніяхъ.

Нельзя ли установить такой критерій, который могъ бы безошибочно указывать на первоначальную редакцію и строго отличать ее отъ всѣхъ

остальныхъ? — Намъ кажется, такимъ критеріемъ долженъ быть признанъ точно установленный греческій оригиналъ нашего перевода.

Гдѣ же найти этотъ оригиналъ? — Сопоставленіе съ греческимъ текстомъ при работахъ надъ славянскими переводами Св. Писанія у насъ производилось, хотя не всѣми изслѣдователями, но, покамѣстъ, безъ всякой научной системы. Обычно сравнивали славянскіе тексты съ распространенными западно-европейскими (преимущественно типендорфовскими) изданіями и отмѣчали сходство или несходство ихъ безъ всякаго дальнѣйшаго уясненія. Выводы изслѣдователей изъ такихъ сличеній не имѣютъ никакого научнаго значенія — и вотъ по какой причинѣ. Греческій текстъ (мы говоримъ преимущественно о ветхомъ завѣтѣ) LXX толковниковъ, съ котораго сдѣланы всѣ наши древніе славянскіе переводы, въ подлинномъ видѣ до нашего времени не сохранился. Западно-европейская экзегетика въ силу предубѣжденія, господствовавшего до послѣдняго времени къ греческому тексту въ пользу еврейскаго-масоретскаго, не уяснила еще настоящаго вида и позднѣйшихъ историческихъ разновидностей LXX; наша русская богословская наука не дошла еще до мысли о самостоятельной работѣ въ этой области — и потому всѣ наличныя (западныя) изданія священнаго текста (включая и нашу русскую неудачную перепечатку одного изъ западныхъ изданій — въ Москвѣ 1821) крайне неудовлетворительны и для славянскихъ переводовъ непригодны. Въ общемъ всѣ изданія представляютъ или не совсѣмъ исправную копію древнѣйшихъ библейскихъ списковъ — ватиканскаго и александрійскаго или — въ позднѣйшее время — болѣе точный видъ этихъ списковъ, и, слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково подлежатъ упрекамъ за ничѣмъ не оправдываемое, а для славянскихъ изслѣдователей крайне соблазнительное и вредное чинопочиганіе древности. Единственно возможное для изслѣдователей ветхозавѣтнаго перевода англійское изданіе Холмза Парсонза (Oxoniі 1798—1827), въ пяти томахъ in folio, даетъ не болѣе половины необходимаго для изслѣдователей греческихъ списковъ рукописнаго матеріала, даетъ при томъ безъ всякой системы и, какъ давно уже сознано, далеко не съ желательною въ настоящее время точностью въ передачѣ варьянтовъ. *Изслѣдователю славянскаго перевода безусловно необходимо самому брать на себя нелегкій трудъ установки греческаго текста — и при томъ далеко не по существующимъ изданіямъ.*

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ покойнымъ полигисторомъ де Лагардомъ предложенъ методъ раздѣленія всѣхъ греческихъ списковъ (для ветхаго завѣта по его счету 400—500, по нашему — не менѣе 600) на три исторически засвидѣтельствованныя группы, восходящія по своему образованію къ IV в., — это группы — константинопольская или, по имени своего виновника, лукіановская, александрійская или исихіевская и пале-

стинская или оригеновская. На основаніи чтеній Св. Писанія у оо. соотвѣтствующихъ провинцій IV в. рѣшено было возстановить церковныя чтенія константинопольско-антіохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго патріархатовъ и поставить въ нихъ точку опоры для опредѣленія позднѣйшихъ разновидностей въ спискахъ. Самъ де Лагардъ считалъ единственно доступною для себя редакцію Лукіана и для книгъ законоположительныхъ и историческихъ возстановилъ и издалъ ее [по ркп. 108, 82, 19, 93, 118, (44) критическаго аппарата Холмза Парсонза] въ своей книгѣ *Librorum canonicorum Veteris Testamenti pars prior graece*, Göttingae 1883. По весьма естественнымъ соображеніямъ де Лагардъ заключалъ, что первоначальный славянскій переводъ, явившійся въ IX в. въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата, долженъ былъ воспроизводить рецензію Лукіана. Черезъ это для славянскихъ ученыхъ ставились слѣдующія задачи:

1) показать, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ первоначальный славянскій переводъ къ лукіановскому тексту *partis prioris*, изданному де Лагардомъ;

2) показать, въ какихъ спискахъ содержится не установленный еще, важный для славянскаго перевода, текстъ *partis alterae*;

3) найти характеристическія черты греческаго оригинала нашего первоначальнаго перевода, а для сего опредѣлить — насколько возможно — другіе изводы LXX;

4) изслѣдовать, въ какомъ отношеніи стоятъ къ нашему первоначальному переводу другія рецензіи греческаго текста LXX.

Наблюденія наши примѣнительно къ 2, 3 и 4 пунктамъ подробно изложены во второй части нашего изслѣдованія «Книга пророка Исаіи въ древне-славянскомъ переводѣ» СПб. 1897, въ Хр. Чт. за іюнь 1897 въ ст. «О древне-славянскомъ переводѣ ветхаго завѣта» и отчасти нѣсколько раньше въ «Хр. Чт.» 1894, III — «Лукіановская рецензія LXX въ славянскомъ переводѣ». Не излагая здѣсь своихъ выводовъ, мы отмѣтимъ только то, что можетъ имѣть методологическое значеніе для изслѣдованій по древне-славянскому переводу священныхъ — и отчасти другихъ церковно-богослужебныхъ — книгъ.

Древне-славянскій первоначальный переводъ книги пророка Исаіи содержится въ богослужебномъ изборѣ изъ означенной книги, въ такъ наз. Паримійникѣ. Паримійникъ представляетъ изъ себя точный переводъ греческой книги того же самого богослужебнаго типа — *Προφητολόγιον*'а. Намъ извѣстны 54 греческихъ списка *Προφητολόγιον*'а. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ они принадлежатъ къ одному греческому изводу, существенно отличному отъ общераспространеннаго текста въ западныхъ изданіяхъ. Въ аппаратѣ Парсонза къ тому же изводу слѣдуетъ от-

нести еще нѣсколько болѣе или менѣе полныхъ, небогослужебныхъ списковъ, именно: 48, 51, 90, 62, 147, 22, 93, 36 (а также 144, 228, 233). Примѣняемъ пробу изъ соотвѣтствующихъ отеческихъ писаній IV в. — и въ нашей первоначальной редакціи Св. Писанія находимъ чистѣйшей формы изводъ Лукіана.

Что же представляетъ изъ себя этотъ изводъ Лукіана? — На основаніи 2—3 случайныхъ историческихъ замѣтокъ у близкихъ къ тому времени писателей и въ особенности изъ наблюденій надъ состояніемъ этого типа чтеній въ сохранившихся его рукописяхъ — можно сказать о немъ слѣдующее. Священный текстъ, пущенный въ оборотъ Лукіаномъ, былъ церковнымъ чтеніемъ константинопольскаго патріархата и употреблялся при богослуженіи, можно думать, съ конца III или съ самаго начала IV в., т. е. со времени своего появленія изъ подъ пера Лукіана († 311 г.). Въ V в., по свидѣтельству Іеронима, въ другихъ церковныхъ центрахъ тогдашняго міра — Александріи и Іерусалимѣ — были свои церковныя чтенія, но долго ли они держались на практикѣ, у насъ свѣдѣній нѣтъ. Извѣстные намъ профитологіи IX—XIV вв. — всѣ лукіановскаго типа. Можно полагать, что преобладающее политическое вліяніе Константинополя мало по малу перешло и въ церковную сферу — и мѣстныя александрійскія и палестинскія чтенія къ IX в. уступили свое мѣсто константинопольскимъ. Ни одного церковно-богослужебнаго перевода Св. Писанія съ греческаго языка на какой либо другой во время этой могучей византійской централизаціи не видно въ зависимости отъ какого либо иного типа, помимо константинопольскаго. И славянскій переводъ Паримійника воспроизводитъ не только типъ обще-константинопольскій, но является копіей текста самаго центра византизма — чтенія константинопольской Великой Церкви. Заботливый представитель Великой Церкви постарался, чтобы новопросвѣщенные славяне были освѣдомлены о томъ чинѣ, который совершается въ Великой Церкви святѣйшимъ константинопольскимъ патріархомъ. Въ чтеніяхъ Паримійника на великую субботу, послѣ париміи изъ кн. пр. Даніила, дается слѣдующее характерное замѣчаніе:¹⁾ и сънидоуть икрѣи отъ престоль съ дыконы и обѣлкоуться въ стихара и въ ризы вѣлы, и съ патріархомъ и съ новокрещеными, и вси въ вѣлахъ ризахъ, и свѣщамъ трямъ прѣдъидушемъ, и пѣвецъ глѣтъ прокимень гласъ ·ѣ·: влѣни имъже ѿпоуцени соуть безаконни и т. д. Едва ли есть основанія сомнѣваться, что замѣтка о величественномъ чинѣ патріаршаго богослуженія, попавшая въ славянскій переводъ церковныхъ библейскихъ чтеній, говоритъ о патріархѣ константинопольскомъ, а не александрійскомъ или іерусалимскомъ. Если такъ, то едва

1) Чтеніе воспроизводимъ по Паримійнику Софійск. б. № 53, XIII в.
Ист.-Фил. стр. 7.

ли и въ другихъ предложенныхъ славянамъ церковныхъ чинопослѣдованіяхъ не было того же воспроизведенія чина служенія константинопольскаго патриарха. Намъ думается, что возстановителямъ первоначальнаго славянскаго перевода литургическихъ книгъ придется имѣть дѣло не съ студійскимъ чиномъ, какъ у насъ принято обычно думать, а съ практикою Великой константинопольской Церкви.

Характеръ лукіановскаго типа и вмѣстѣ съ нимъ нашихъ первоначальныхъ богослужебныхъ переводовъ Св. Писанія со стороны текста настолько своеобразенъ, что привычному глазу, въ особенности знакомому и съ настоящимъ чтеніемъ еврейской истины, замѣтить его также не трудно, какъ новую заплату на старомъ платьѣ. Въ особенности ясно выдаются типичные признаки Лукіана при сравненіи съ другимъ типомъ чтеній LXX, который намъ пришлось возстановить для полнаго перевода кн. прор. Исаи, т. наз. редакціи Толковыхъ Пророчествъ. Редакція эта, какъ можно думать на основаніи извѣстности ея писателямъ симеоновскаго времени, переведена во время болгарскаго царя Симеона, и потому мы называемъ ее симеоновской въ отличіе отъ первой богослужебной — кирилловской. Оригиналъ симеоновской редакціи погружается въ русло александрійской, исихіевской версіи LXX. Задачею Исихія, повидимому, было дать текстъ свободный отъ господствовавшихъ тогда въ спискахъ оригеновскихъ привнесовъ, по возможности болѣе близкій къ старинному дооригеновскому виду LXX, и потому текстъ этотъ всюду представляетъ слѣды старпны, свойственной тексту LXX необработанности греческой рѣчи и — что самое главное — на всемъ протяженіи краткость, укороченіе текста. Лукіанъ по отношенію къ Исихію представляется какъ корректоръ и ученый интерполяторъ текста. Шероховатость рѣчи LXX, особенно замѣтная въ кн. прор. Исаи, у Лукіана сглаживается посредствомъ перестановокъ, небольшихъ измѣненій и дополненій въ фразахъ, темныя мѣста перевода доводятся до большей ясности преимущественно посредствомъ пояснительныхъ небольшихъ добавленій, и — что особенно характерно — всюду видна у него свѣрка съ еврейскимъ текстомъ. Когда у неискускаго переводчика LXX мѣсто оказывалось, по мнѣнію Лукіана, переведеннымъ темно или не въ полномъ видѣ, Лукіанъ переводилъ съ еврейскаго или бралъ изъ готоваго перевода (отъ кого нибудь изъ позднѣйшихъ переводчиковъ еврейскаго текста) то, что ему казалось необходимымъ, и присоединялъ къ имѣвшемуся у него подъ руками тексту LXX. Отсюда *текстъ Лукіана всегда пространнѣе чтеній Исихія*. Гдѣ лукіановскія прибавленія присоединялись къ прежнему переводу LXX и представляли только болѣе ясную передачу уже переведеннаго, а не восполненіе недостающаго, тамъ образовывались *характерныя для Лукіана дубли и триплеты текста: одно и то же мѣсто повторяется у него два и даже три раза*.

Составляетъ ли типическая черта Лукіана въ кн. прор. Исаи, т. е. большая распространенность лукіановскаго текста въ сравненіи съ укороченнымъ текстомъ Исихія, общую принадлежность работы Лукіана въ книгахъ ветхаго и новаго Завѣта, или она свойственна книгѣ Исаи въ силу ея исключительной неудобовразумительности въ переводѣ LXX, при которой книга эта требовала большихъ поясненій и особеннаго метода, мы рѣшать не беремъ. Издатель *partis prioris* Luciani де Лагардъ ничего не указалъ для характеристики работы Лукіана въ возстановленной имъ части лукіановской библии. Послѣдователи метода де Лагарда — Нестле, Корниль, Клостерманнъ, въ Англіи Драйверъ — не дали никакихъ теоретическихъ обобщеній о методѣ и отличительныхъ особенностяхъ работы Лукіана. Небольшія наблюденія, которыя намъ приходилось дѣлать надъ чтеніемъ Лукіана въ другихъ книгахъ Св. Писанія, какъ будто говорятъ за то, что особенности лукіановскаго извода кн. Исаи воспроизводятся и въ другихъ книгахъ. Заявленный нами въ 1894 г. фактъ существованія въ древне-славянскомъ переводѣ редакціи Лукіана былъ прослѣженъ въ нашей наукѣ еще въ двухъ книгахъ Св. Писанія — книгѣ прор. Данила (Рождественскій, Откровеніе Данилу о семидесяти седминахъ, СПБ. 1896 стр. 14—15) и изъ ново-завѣтныхъ книгъ въ Ев. Марка (Г. А. Воскресенскій, Характеристическія черты стр. 125—126 и др.). И въ той и другой книгѣ текстъ Лукіана представляетъ чтенія преимущественно иностранныя. Вотъ примѣры изъ первоначальной славянской редакціи Евангелія Марка, отмѣченные у Г. А. Воскресенскаго для 1 главы.

1 13	и вѣ тоу въ поустыни ¹⁾
1 14	проповѣдаи евангліе цр̄сьѧ вѣѧѧ
1 24	г̄ла. остави
1 31	имъ за роукоу кѧ. и остави ю авьк огнь
1 41	тс̄ же — косноу и. и г̄ла кмоу
1 42	и рекшо кмоу авьк ѿде проказа ѿ него.

Всего въ 1-ой главѣ у Г. А. Воскресенскаго отмѣчено 8 особенностей. Изъ нихъ 6, приведенныя нами, содержатъ исключительно прибавленія.

Выдерживаетъ пробу наше наблюденіе и надъ другими книгами Св. Писанія, болѣе или менѣ затронутыми въ нашей литературѣ. Мы остановимся на книгѣ Иисуса Навина и Псалтири. Для кн. Иисуса Навина пользуемся изслѣдованіемъ В. Лебедева (Славянскій переводъ книги Иисуса Навина, СПБ. 1890), для Псалтири В. Срезневскаго и арх. Амфилохія.

1) Слова, обозначенныя разрядкой, читаются въ текстѣ лукіановскомъ и не оправдываются списками — по нашему мнѣнію — исихіевскими — BDL и др.

Славянскій переводъ кн. Иисуса Навина представляетъ двѣ такія же редакціи, какъ и Пророки (въ изслѣдованіи В. Лебедева 4 редакціи для этой книги введены неосновательно). Изъ нихъ первая редакція — паримійная представляетъ текстъ всегда болѣе пространнѣй, чѣмъ другая, по нашему мнѣнію, симеоновская. Вотъ примѣры изъ 5 гл. 11—15 ст.

Паримійная ред.

11. ꙗ́ ѿдошѣ отъ жѣта земли въ оутри и днѣ пѣцѣ ѡпрѣснокъ и новаѣ

Лукіанъ: καὶ ἔφαγον ἀπὸ τοῦ σίτου τῆς γῆς τῆ ἑπαύριον τοῦ πάσχα ἄζυμα καὶ νέα

12. въ тѣ днѣ прѣста манѣна въ оутрѣи

ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ ἐξέλιπε τὸ μάννα τῆ ἑπαύριον

13. наш ли еси ꙗли ѿ сѣпостатѣ нашѣхъ

ἡμέτερος εἰ ἢ τῶν ὑπεναντίων ἡμῶν

14. и рѣ: вѣко, что велиши каи еѣпен аутѡ дѣспота, тѣ прѡстасеис

15. и твори ꙗсѣ тако каи ἐποίησεν ὁ Ἰησοῦς οὕτως

Симеоновская ред.

и ꙗша ѡтѣ земля ѡпрѣснокъ и новаѣ

Исихій: καὶ ἐφάγισαν ἀπὸ τοῦ σίτου τῆς γῆς ἄζυμα καὶ νέα.

вотѣ днѣ ѡскоудѣ манѣна

ἐν ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ ἐξέλιπε τὸ μάννα

наша ли еси или ратныхъ

ἡμέτερος εἰ ἢ τῶν ὑπεναντίων

и рече кмоу: что велиши каи еѣпен аутѡ тѣ прѡстасеис

нѣтъ

нѣтъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ и изъ Псалтири, ожидающей, кстати сказать, своего изслѣдователя. (Париміиному тексту здѣсь соотвѣтствуетъ сп. Симеоновскій — по изд. Амфилохія —, тексту симеоновскому = Псалтирь Чудовская).

Пс. 70 4

Боже мой, избави ма из роукы грѣшного, изъ роукы законопрестоупного и ѡбидцаго

ὁ θεός μου, ῥῦσαι με ἐκ χειρὸς ἀμαρτωλοῦ, ἐκ χειρὸς παρανομοῦντος καὶ ἀδικοῦντος.

70 13

да постыдѣтѣса и ищезноутѣ вси

Боже мой, избави ма издрѣкы беззаконнашта и ѡбидашта

ὁ θεός μου, ῥῦσαι με ἐκ χειρὸς ἀνομοῦντος καὶ ἀδικοῦντος.

да постыдѣтѣса и ищтезнятѣ.

70 20

КЛИКЪ ПИНАЪ КСИ МНѢ СКОРВИ
МНОГЪ И ЗЪЛЪИИ И ОБРАЦЪ ЖИВИЛЪ
МА КСИ

Пс. 71 16

БОУДЕТЬ ОУТВЕРЖЕНІЕ ЕГО.

Пс. 71 18

БЛАГОСЛОВЕНЪ ГОСПОДЪ БОГЪ

КОЛИКЪ ПИНАЪ МНѢ КСИ СКЪРВИ
М'НОГЪ И ЗЪЛЪИ.

БОУДЕТЬ ОУТВЕРЖЕНІЕ.

БЛАГОСЛОВЕНЪ БГЪ.

Въ указанныхъ примѣрахъ изъ Евангелія отъ Марка, изъ книги Иисуса Навина и Псалтири, также какъ — можемъ утверждать — во всѣхъ 16 пророческихъ книгахъ ветхаго Заѣта существенная лукіановская черта — *количественная распространенность* библейскаго текста всюду замѣчается очень ясно. Но характерно, что во всѣхъ этихъ книгахъ лукіановскій текстъ на славянской почвѣ составляетъ особенность богослужебныхъ церковныхъ чтеній, а не сплошныхъ библейскихъ толковыхъ или четвѣхъ текстовъ. Какъ только первоначальный богослужебный кодексъ переходитъ подъ рукою (по нашему мнѣнію, симеоновскаго) редактора въ сплошной обычный видъ библейской книги, онъ сразу отбрасываетъ лукіановскія особенности и погружается въ русло (хотя и не совсѣмъ чисто) александрійской укороченной версіи. Съ точки историческаго существованія текста совершенно понятенъ лукіановскій видъ церковныхъ чтеній, но не совсѣмъ — по крайней мѣрѣ, для насъ въ настоящее время — ясно, почему въ предѣлахъ того же константинопольскаго патріархата въ X в. типъ александрійскій могъ имѣть такую силу, чтобы заявлять о своемъ существованіи иноязычнымъ переводомъ. Ислѣдователямъ древне-славянскаго перевода Св. Писанія предстоитъ дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

1) во всѣхъ ли книгахъ Св. Писанія наблюдается отмѣченное различіе между лукіановскимъ и исихіевскимъ типомъ въ богослужебныхъ и полныхъ спискахъ?

2) Къ какому типу относится переводъ въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, откуда не бралось церковныхъ чтеній?

II.

О книгѣ Есѣирь.

Въ соотвѣтствіе съ нашимъ послѣднимъ вопросомъ — беремъ на пробу книгу Есѣирь, изъ которой церковныхъ чтеній никогда не полагалось. Какому типу греческихъ чтеній слѣдуетъ ея первоначальный переводъ?

Впрочемъ, не только о первоначальномъ, но и вообще о древнемъ переводѣ этой книги наша наука знаетъ очень мало. Текстъ этой книги извѣстенъ покамѣстъ исключительно въ спискахъ не ранѣе XV в. и представляеть переводъ съ еврейской, масоретской версіи этой книги. — Въ общемъ исторія славянскаго перевода книги Есѡирь до послѣдняго времени представлялась въ такомъ видѣ: древній переводъ книги, принадлежащій свв. Кириллу и Меодію, если только онъ былъ принесенъ въ Россію, съ теченіемъ времени былъ утраченъ; въ XV в. книга Есѡирь существовала въ переводѣ съ еврейскаго въ предѣлахъ 1—9 главъ, извѣстныхъ въ масоретскомъ текстѣ. Переводъ этотъ, по соображеніямъ Горскаго и Невоструева, совершенъ былъ не ранѣе XV в. въ Западной Руси. Въ XV же вѣкѣ онъ легъ въ основаніе текста книги Есѡирь въ геннадіевскомъ спискѣ Библии, при чемъ недостающія въ масоретскомъ текстѣ и переводѣ съ него добавочныя мѣста были дополнены по вульгатѣ. Въ XVI в. этотъ переводъ вошелъ въ острожское изданіе, гдѣ добавочныя мѣста были восполнены по греческому тексту.

Въ прошломъ году проф. А. И. Соболевскій подвергъ разбору это мнѣніе и нашелъ возможнымъ частію дополнить, частію видоизмѣнить его¹⁾. Происхожденіе перевода въ сборникахъ XV в. почтенный профессоръ относитъ ко времени ранѣе XV в. — на основаніи главнымъ образомъ рѣдкихъ архаизмовъ языка, замѣченныхъ еще Востоковымъ: на конихъ, десатъма; нечленной формы прилагательныхъ во всѣхъ падежахъ, правильнаго употребленія *plusquamperfect*'а и др. По словарнымъ особенностямъ перевода (абы, охвота, борздый), мѣстомъ появленія его, вмѣстѣ съ Горскимъ и Невоструевымъ, А. И. Соболевскій считаетъ Западную Русь. Относительно же оригинала этого перевода считается возможнымъ утверждать, что это былъ не еврейскій масоретскій текстъ, а текстъ греческій, отличный отъ текста семидесяти. «На вопросъ, съ какого языка былъ сдѣланъ переводъ, отвѣчаетъ языкъ: нигдѣ не встрѣчается въ именахъ буква ш, ц, ь, столь обычныя въ непосредственныхъ переводахъ съ еврейскаго; вездѣ господствуетъ византійское правописаніе, имена передаются въ греческой формѣ, да еще и ошибочно: писецъ или переводчикъ кое-гдѣ принялъ винительный падежъ греческаго языка на *из* за именительный и такъ перенесъ слово въ переводъ. Безо всякаго сомнѣнія переводъ сдѣланъ съ греческаго, съ одного изъ текстовъ, существовавшихъ независимо отъ признаннаго 70 толковниковъ».

Непосредственное сопоставленіе указаннаго перевода (по списку Клар. Бѣл. б. $\frac{4}{9}$) съ еврейской истиной не подтверждаетъ заключенія почтеннаго

1) Резерватъ А. И. Соболевскаго 7 марта 1897 г. въ О. Л. Др. II. намъ извѣстенъ въ передачѣ — въ «Археол. Извѣст. и,Зам.» 1897 №№ 5—6, 204 стр.

профессора и всецѣло заставляетъ относить переводъ къ масоретскому тексту. Извѣстно, что переводъ LXX въ кн. Есѣирь существенно разнится отъ дошедшаго до насъ масоретскаго чтенія. Между тѣмъ славянскій переводъ въ сборникахъ XV в. буквально воспроизводитъ со всѣми тончайшими особенностями текстъ масоретовъ. Поэтому проф. А. И. Соболевскій дѣлаетъ предположеніе о какомъ то иномъ греческомъ переводѣ, существовавшемъ независимо отъ перевода LXX и, разумѣется, совершенно совпадающимъ съ еврейскимъ масоретскимъ оригиналомъ. Существованія такого буквального перевода съ масоретскаго библейская наука въ XIII—XV вв. ни въ какомъ смучаѣ допустить не можетъ. Въ эти вѣка. былъ въ употребленіи только переводъ LXX, да и то преимущественно въ одной разновидности, въ изводѣ Лукіана. Извѣстные наукѣ т. наз. позднѣйшіе, довольно буквальные переводы съ еврейскаго, сдѣланные во II в. по Р. Х. Акилою, Симмахомъ и Θεодотіономъ, въ полномъ видѣ не существуютъ уже съ VI в., со времени уничтоженія кесарійской бібліотеки, гдѣ, повидимому, они только и хранились въ одномъ экземплярѣ — въ экзаплахъ Оригена. Предположеніе о какомъ либо иномъ, никому никогда не попадавшемъ на глаза келейномъ переводѣ съ масоретскаго на греческій, проявившемъ себя только въ XIII—XV вв. въ славянскомъ переводѣ, выходило бы совершенно за предѣлы науки и погружалось бы въ область неожиданностей.

Да такое предположеніе и излишне. Очная ставка славянскаго перевода съ еврейскимъ текстомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, какъ мы заявили, что переводчикъ имѣлъ предъ глазами оригиналъ масоретскій. Всѣ соображенія А. И. Соболевскаго въ пользу греческаго оригинала — априорнаго происхожденія и легко объясняются при знакомствѣ съ масоретскимъ текстомъ. Въ переводѣ — въ собственныхъ именахъ — не встрѣчается, будто бы, буквъ *ш* и *ц*, свойственныхъ еврейскому языку — и это объясняется тѣмъ, что буквы эти перешли въ соотвѣствующіе отзвуки въ греческомъ переводѣ и, такимъ образомъ, не могли быть предъ глазами славянскаго переводчика. Но буква *ц* (цаде) не встрѣчается ни разу ни въ одномъ собственномъ имени въ кн. Есѣирь, и переводчикъ естественно, при всемъ своемъ желаніи, не могъ бы употребить ее. Буква *ш* (*שׁ*) въ моемъ спискѣ стоитъ въ 221 — въ словѣ терешъ (*תְּרֵשׁ*). Въ другихъ случаяхъ *שׁ* замѣняется чрезъ *с*, но это далеко не исключительная особенность переводчика книги Есѣирь: въ сп. Библіи Синод. Б. № 2 и 3 кн. Бытія обозначается по еврейски бреситъ (вм. брешить), Исходъ — елезмотъ (вм. веелешемотъ); въ сп. Толковыхъ Пророчествъ XV в. въ «Плачахъ Іереміи» еврейскій алфавитъ весь воспроизведенъ съ толкованіями: тамъ буква *שׁ* называется сенъ. Намъ думается, что буква *ш* (шинъ) также мало отличалась у славянскаго переводчика отъ сродной съ нею буквы *ш* (синъ), какъ не-

ясны были для него спеціальныя тонкости въ прозношеніи и другихъ буквъ. Характерна для переводчика та трудность, которую доставляла ему буква θ , (тавь = th), чего, разумѣется, не было бы, если бы на мѣстѣ ея онъ видѣлъ греческую θ : эту послѣднюю онъ передалъ бы чрезъ θ , рѣже чрезъ т. Не то мы видимъ въ нашемъ переводѣ: θ = т, с, ф (θ), хв, х, (н). Вотъ примѣры: 9 9 пармата — $\theta\theta\theta\theta\theta$, 1 10 визсанъ $\theta\theta\theta$, 9 7 парсандасъ $\theta\theta\theta\theta\theta\theta\theta$, 9 7 аспасъ $\theta\theta\theta\theta\theta$, 1 10 вигфанъ $\theta\theta\theta$, 9 8 порава $\theta\theta\theta$, 1 10 визхваръ $\theta\theta\theta$, 3 1 сына амадахина $\theta\theta\theta\theta\theta\theta\theta$ — впрочемъ, въ 3 10 то же самое еврейское начертаніе дало сыну амдафиню, въ 8 5 сына амаднина (если это не описка). Стороннику греческаго оригинала пришлось бы доказать, что греч. θ также должно было оказаться неумовимымъ для русско славянскаго переводчика XIV—XV вв. Еще маленькая особенность. Въ 2 21 читаемъ: бихфанъ терешъ — $\theta\theta\theta\theta\theta$. Кромѣ несовсѣмъ переваримаго для грека, не предусмотрѣннаго А. И. Соболевскимъ, терешъ (по греч. не иначе, какъ $\chi\alpha\iota\theta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\varsigma$), въ XIV—XV в. бихфанъ едва ли не долженъ бы былъ превратиться въ вигфанъ, въ крайнемъ случаѣ въ вихфанъ ($\text{B}\iota\gamma\theta\acute{\alpha}\nu$), но положительно безъ б вначалѣ (β = в, а не б).

Дальнѣйшія замѣчанія А. И. Соболевскаго основаны на простомъ недоразумѣніи. Византійскихъ особенностей въ переводѣ нѣтъ никакихъ, имена воспроизводятъ масоретскій оригиналъ съ весьма удовлетворительною точностію. Кстати: намъ кажется, если бы кто либо изъ грековъ взялъ на себя трудъ оформить имена по византійскому, точнѣе греческому образцу, то на первомъ словѣ въ книгѣ мы встрѣтили бы столь излюбленное у грековъ, — въ частности въ Св. Писаніи, — и столь же нелѣпое начертаніе имени царя — $\theta\theta\theta\theta\theta\theta\theta$ = евр. $\theta\theta\theta\theta\theta\theta\theta$, но этого нѣтъ: въ 1 стихѣ мы читаемъ: бысть въ дни ахасъвер'совы, иже царствоваше ѡд уда же и до хусъ седмию и двѣмадесатма и. θ . власти и т. д. Винительныхъ падежей на *нз*, принятыхъ будто бы славянскимъ писпомъ или переводчикомъ за именительный, мы не нашли ни одного. Правда, есть нѣсколько именъ на *-нз*: аманъ, сусанъ (Сузы) — часто, оуманъ (правильнѣе мегуманъ) 1 10, харвунанъ 1 10, мумуханъ 1 14, далѣанъ 9 7 — но это совершенно законное воспроизведеніе масоретскаго написанія персидскихъ именъ, — *нз* дается здѣсь прямо масоретскимъ текстомъ. Есть три имени, у которыхъ *-нз* не имѣетъ оправданія въ масоретскомъ оригиналѣ, но имена эти стоятъ въ томъ 1 10 стихѣ, гдѣ въ сосѣднихъ именахъ былъ вполне ясный соблазнъ для такой невинной прибавки; вотъ эти имена 1 10: визсанъ (масоретское визта), вигфанъ (вигта), ваавах'ванъ (авахта).

Одну только маленькую прибавку къ сплошному переводу съ масоретскаго можно, повидимому, ставить въ связь съ греческимъ текстомъ: «въ мѣсаць десатый, глаголющійса теверъ — по жидовскому, а по гречески

декабрь». — Подобныя поясненія есть въ 2 16, 3 7, 13, 8 9, 12, 9 1, 15, 17, 19. Правда, въ греческомъ текстѣ лукіановской редакціи есть аналогичныя поясненія, но только въ другихъ мѣстахъ и всего въ двухъ случаяхъ: 1 и *μῆς τοῦ μηνός Αδαρ Νισαν* (ὅς ἐστι Δύστρος, Ἐανθικός), въ 4 18: *τοῦ μηνός τοῦ δωδεκάτου* (οὗτος ὁ μῆν Αδαρ, ὅς ἐστι Δύστρος). Несомнѣнно, лукіановъ текстъ не могъ повліять на указанные славянскія вставки, и ихъ слѣдуетъ объяснять вліяніемъ вообще на славянскаго книжника книжной византійской традиціи.

Греческому тексту — и при томъ не какого либо загадочнаго, никому неизвѣстнаго типа, а обычнаго вида LXX — суждено было отразиться въ другомъ славянскомъ переводѣ книги Есѣирь, переводѣ, по нашему мнѣнію, первоначальномъ. Мы располагаемъ только отрывкомъ его, именно чтеніемъ изъ начала первой главы, извѣстной только въ греческомъ, а не еврейскомъ текстѣ, и потому въ обычныхъ изданіяхъ не отмѣчаемой стихами. Отрывокъ содержится въ житіи сербскаго деспота Стефана Лазаревича, написаномъ Константиномъ Костенчскимъ въ 1431 г. Многовитійный трудъ сербскаго писателя XIV—XV в. содержитъ въ себѣ очень много выдержекъ изъ Св. Писанія и, насколько можно судить, всегда изъ готовыхъ переводовъ. Нѣтъ основаній полагать, чтобы въ значительномъ сравнительно отрывкѣ изъ книги Есѣирь Константинъ вступилъ въ небезвѣстную ему, вѣроятно, въ другихъ случаяхъ роль самостоятельнаго прѣводника¹⁾. Въ фразеологіи сербскій списокъ XV в. сходенъ съ первоначальной нашей кирилловской рецензіей во всемъ существенномъ: *προσῆλθον παλαίειν* придоше брати се (въ ред. симеоновской было бы придоше — или приступише — ратити се), *πᾶν ἔθνος* всакъ ѳзыкъ (въ сим. ред. было бы вса страна — ср. словарныя параллели на кн. Исаіи, Ягичъ, Мар. Ев., Облакъ, Апокалипсисъ). Вліянія на фразеологію со стороны первоначальной кирилловской традиціи, т. е. въ смыслѣ сообразованія Константина съ требованіями этой традиціи, разумѣется, предполагать невозможно, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ эпохою образованія новой, не кирилловской школы. Но что наиболѣе ставить насъ внѣ всякаго сомнѣнія — это внутреннее показаніе текста: отрывокъ Константина Костенческаго во всѣхъ подробностяхъ воспроизводитъ знаменательную для кирилловскаго перевода лукіановскую редакцію текста LXX. Вотъ настоящій видъ отрывка съ соотвѣтствующимъ ему оригиналомъ [Гласник XLII, 262—263 = де Лагардъ, *Pars prior*]:

1) О характерѣ самостоятельныхъ, крайне неудачныхъ переводовъ Константина см. Ягича, Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ въ «Исслѣдованіяхъ по русскому языку» изд. Отд. рус. яз. и Словесн. Имп. Ак. Н. т. I, СПб. 1895, стр. 515—516.

и се гласъ и выпль мльвы, громи и троусъ и мльва на земли, и се [не] два змиа, [нѣ мнози съ пресмыкающитими се,] ѣже приидоше брати се¹⁾. И бысть гласъ и сьмоутише се вьса отъ гласа выпля ихъ. Вьсѣмъ людемъ дньню тьма и сьмракъ и мльвы и брани, и оуготови се вьсакъ ѣзыкъ брати се, и възпихомъ къ господу отъ гласа выпля ихъ. И бысть отъ источника мала вода многа и рѣка велика. Свѣтъ и слънце вьсигъ и рѣкы възвысише се и пожрѣше славыныхъ.

3. και ἰδοὺ φωνὴ καὶ κραυγὴ θο-
ρύβου, βρονταὶ καὶ σεισμός καὶ τάρα-
χος ἐπὶ τῆς γῆς. 4. καὶ ἰδοὺ δύο
δράκοντες, καὶ προσῆλθον ἀμφοτέροι
παλαίειν. 5. καὶ ἐγένετο αὐτῶν φωνή,
καὶ ἐταράσσετο πάντα ἀπὸ τῆς φωνῆς
τῆς κραυγῆς ταύτης. 6. πᾶσι τοῖς
λαοῖς ἡμέρα σκότους καὶ γνόφου καὶ
ταραχῆ πολέμου, καὶ ἠτοιμάσατο πᾶν
ἔθνος πολεμῆσαι, καὶ ἀνεβόησαμεν
πρὸς κύριον ἀπὸ φωνῆς τῆς κραυγῆς
αὐτῶν. 7. καὶ ἐγένετο ἐκ πηγῆς
μικρᾶς ὕδωρ πολὺ, ποταμὸς μέγας·
8. φῶς, ἥλιος ἀνέτειλε, καὶ οἱ ποταμοὶ
ὑψώθησαν καὶ κατέπιον τοὺς ἐνδόξους.

Кто не хотѣлъ бы видѣть въ приведенномъ отрывкѣ остатка кирилловскаго перевода книги Есѡирь, тотъ долженъ былъ бы прежде всего доказать недоступное для насъ положеніе слѣдующаго рода:

славянскій переводъ чистаго лукіановскаго типа наблюдается не только въ первоначальной кирилловской работѣ, но и въ (какой то) другой.

1) Слова въ [] вставлены въ библейскій текстъ Константиномъ Костенчскимъ по надобностямъ его дидактической рѣчи.

